

Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера

Максимум своего развития, кульминации внешнего влияния и внутренней консолидации контрреволюционное движение на востоке России достигло после государственного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к власти адмирала А.В. Колчака, и оформления политического режима, вошедшего в историю под именем «колчаковской диктатуры».

Радикальные изменения в системе властных институтов, с одной стороны, были вызваны, с другой – вызывали сами эволюцию политического языка, форм и способов идеологической коммуникации власти и общества. Антибольшевистское движение, приобретая вождистский характер, нуждалось в оформлении этого нового качества. Поэтому одной из важнейших пропагандистских, идеологических и политических задач диктаторского режима стало «представление», репрезентация фигуры носителя верховной власти российскому обществу, населению страны в целом. Одной из форм решения данной задачи стало написание и публикация популярных брошюр, содержащих жизнеописания Верховного правителя¹.

Исследователи уже обращались к некоторым из этих изданий. Однако они использовались ими как источник информации о биографии А.В. Колчака², как свидетельство проводившейся «белыми» властями агитационно-пропагандистской работы³ и при реконструкции фактов литературной деятельности писателя С.А. Ауслендера⁴.

В то же время информационный потенциал данных источников существенно выше. Они не просто передают некую «позитивную» информацию (достоверную или не вполне). Они сами по себе являются феноменами исторического процесса, которые своим существованием позволяют увидеть нечто большее, говоря словами М. Блока, некие «особенности коллективного сознания».

Несомненно, брошюра «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак» (далее – ВПАК), принадлежащая перу писателя С.А. Ауслендера, являлась самой известной из пропагандистских биографических публикаций, посвященных главе российской контрреволюции. Она была призвана сыграть важную роль как в формировании образа Верховного правителя, так и в его репрезентации.

* *Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (исследовательский проект № 11-01-00222а).*

Данная брошюра была опубликована в типографии Русского общества печатного дела – пропагандистской структуры колчаковского правительства. Ее тираж составлял почти 100 тыс. экз., что несколько выше среднего тиража брошюр, выпущенных Русским бюро печати в июне – октябре 1919 года⁵. Впрочем, в восприятии современников ее тираж запечатлелся как существенно больший: «выпущенная чуть не миллионным тиражом», – писал об этом издании в своих воспоминаниях омский журналист В.Н. Иванов⁶.

Брошюра достаточно объемна – 38 страниц текста и страница обложки, на которой помещен портрет А.В. Колчака работы художника Г. Ильина.

Вопрос об истории текста брошюры и ее источниках впервые поставил П.Н. Зырянов⁷. Исследователь обоснованно обратил внимание на сходство «биографического» фрагмента текста брошюры и автобиографического рассказа А.В. Колчака из стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дел высших должностных лиц, учрежденной Иркутским Политическим центром, от 21 и 23 января 1920 года⁸. Он резонно отметил, что «Колчак на допросе во многом воспроизводил прежний свой рассказ». Убедительным выглядит и его предположение о том, что «Ауслендер, как видно, беседовал [...] с некоторыми людьми, более или менее близко знавшими его [Колчака] в прежние годы, в основном с моряками». Однако, что касается его вывода о том, что часть текста С.А. Ауслендер «записывал буквально с его [адмирала. – В.Ж.] слов», то обоснованным его признать нельзя.

Прежде всего необходимо отметить, что вышедшей летом 1919 г. брошюре ВПАК предшествовала статья «Адмирал», опубликованная С.А. Ауслендером 28 ноября 1918 г. в газете «Сибирская речь», а затем публиковавшаяся еще как минимум дважды: 18 декабря 1918 г. в еженедельном журнале Сибирского казачьего войска «Иртыш» и в первой половине 1919 г. в Перми отдельным оттиском от имени газеты «Сибирские стрелки», органа Штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. По сути дела статья «Адмирал» является протографом текста позднейшей брошюры, все части которой (кроме второй) представляют собой расширенные версии фрагментов текста данной статьи.

Дословные текстуальные совпадения однозначно свидетельствуют, что материалом для статьи «Адмирал», а затем и для брошюры ВПАК послужила не гипотетическая беседа адмирала с С.А. Ауслендером, а документ, оставшийся неизвестным П.Н. Зырянову, – автобиография А.В. Колчака. Этот текст, заканчивающийся прибытием вице-адмирала в Китай в апреле 1918 г., был написан, скорее всего, во время службы А.В. Колчака членом правления КВЖД и командующим русскими вой-

сками в полосе ее отчуждения, то есть в апреле – июне 1918 г. Текст автобиографии отложился в машинописных отпусках в делах Чрезвычайной следственной комиссии и ко времени написания П.Н. Зыряновым монографии был уже дважды опубликован⁹.

В функциональном и содержательном отношении композиция брошюры С.А. Ауслендера представляется следующим образом.

Часть первая вполне может быть характеризована как «риторическое вступление». В первых строках автор начинает говорить о себе, о своих особых свойствах составлять «определенное» мнение о человеке на основании первого впечатления, «часто совершенно бессознательного», «когда еще не успеешь умом взвесить все его слова и движения», а также описывает «ощущение какой-то спокойной уверенности», которое «вдруг охватило» его при первой встрече с адмиралом. Апелляция к спонтанному и бессознательному для человека эпохи Ницше и Фрейда выполняла роль вполне аналогичную тому, что для традиционной эпохи характеристика себя как человека «некнижного», «простого» и даже «темного», то есть гарантировала безыскусную правдивость нижеизложенного.

Далее С.А. Ауслендера переходит к «торжественной похвале». Прежде всего он описывает загадочное состояние *déjà vu* при этой первой встрече: «почему так знакомо это лицо, где я уже видел» его? И дает ответ: «на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя».

«Римские» ассоциации автора неслучайны. Они были заданы самим героем повествования. 28 ноября 1918 г. состоялась встреча А.В. Колчака с представителями прессы, задуманная как важнейший акт в презентации нового режима обществу, и С.А. Ауслендер принимал участие в этой встрече. Причем выступление А.В. Колчака содержало следующий пассаж: «Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным правителем»¹⁰.

Впрочем, в данном случае речь идет не столько о Древнем Риме как эталоне государственности, но прежде всего о Древнем Риме как своего рода эталоне истории вообще, истории мировой, всеобщей, связанной с культурой. То, что нос, подбородок, губы и даже глаза героя выглядят «римскими», должно говорить о его статусе исторического деятеля.

Далее С.А. Ауслендер еще раз повторяет этот же прием. Такие «лица далеких победителей», пишет он, я с детства видел на страницах «старых книг с выцветающими гравюрами». Отсылка не к конкретному

образу, а к «старым книгам» вообще, позволяет прописать героя сразу во всей мировой культуре и отделить его от эмпирического настоящего. Характерно, что этот «исторический» облик автор увидел в негативно окрашенном профанном контексте: в «унылом коридоре Ставки Верховного главнокомандующего». Это четко резюмируется: «жизнь его ... становится достоянием истории».

Отдалив от читателя образ А.В. Колчака отнесением его к миру сакрализованной истории, к миру «камей» и «гравюр», С.А. Ауслендер перебрасывает между ними мостик. Делается это опять через противопоставление. Текст включает длинную инвективу в адрес «больших и маленьких властителей», которые с одной стороны, «опьяняются, теряют чувство меры», с другой – становятся в «фальшивые позы», «надевают маски» и наконец «становятся мертвыми манекенами партийности», от чьих «жестов механических» «совершаются события роковые, проливается кровь». Непоименованным антигероем этого фрагмента очевидным образом выступает А.Ф. Керенский, «недавний властитель», «овеянный холодом предвзятых теоретических выкладок, холодом, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия».

В антитезу этому говорится, опять с апелляцией к позиции непосредственного свидетеля, о «какой-то необычайной подлинной человечности» героя брошюры. В диапазоне его забот наряду с высокими вопросами находится место и «потерявшемуся вагону хлеба» и «невыходу керосина», о которых рассказывает «делегация рабочих». Колчак обладает «человеческой простотой», а постоянная забота обо всех делает его лицо «совсем близким каждому», и он, свою очередь, своим взглядом «замечает каждое лицо». Герой одновременно и чужд и близок каждому, и величественен, и прост.

Далее С.А. Ауслендер пишет, апеллируя к сакральным свойствам героя: «В нем есть что-то, что приковывает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее». Эти мистические свойства вызываются его контактом с потусторонним («видевший столько раз смерть совсем близко»). Эта способность доказывается тем, что герой умеет «владеть толпой», умеет сохранить авторитет даже перед лицом «темного опьянения», «революционного безумия».

Наконец, С.А. Ауслендер переходит к внутренним качествам героя. Вновь в текст включается противопоставление. Оно менее сурово, чем предыдущая инвектива «манекенам партийности», но все же вполне определено. Колчак отделяется от многочисленных «храбрых и безупречных воинов», которым были чужды «многие государственные вопросы», которые «многого» (видимо, из области политики) не могли

понять. Герой описывается и как воин, и как ученый, и как государственный и политический деятель, наконец, как человек, «многое познавший в жизни различных стран».

Итак, Колчак данного текста «совместил в себе многое», он предстает воистину интегральным человеком.

Вторая часть брошюры представляет монтаж ряда собственных текстов Верховного правителя, приведенных буквально или в пересказе и сопровождаемых некоторыми комментариями С.А. Ауслендера. Этих текстов – шесть: воззвание Верховного правителя «К населению» от 18 ноября 1918 г.; фрагмент из выступления А.В. Колчака на казачьем съезде; речь А.В. Колчака на объединенном заседании уездной земской управы и городской думы в Екатеринбурге; высказывание на обеде, данном Челябинским самоуправлением; речь в Челябинске о земельном вопросе; тост «За Родину!» на банкете, данном Пермским самоуправлением.

Выбор текстов С.А. Ауслендером неслучаен. Из двух главных декларативных актов, возвестивших об образовании новой власти, возглавляемой А.В. Колчаком, приведен только один, ориентированный на общество¹¹; другой же, предназначенный армии и имевший существенно иную идеологическую окраску, – опущен. Пассаж о милитаризации власти из выступления А.В. Колчака на казачьем съезде приведен в лапидарном пересказе, а екатеринбургская речь, посвященная теме единства власти и общественности, воспроизведена целиком и занимает три с половиной страницы.

Предшествовавшая явлению героя брошюры и омскому государственному перевороту ситуация описывается как «разъединение», «раздор» и «распад». Они пронизывают и армию, и общество, и власть.

Далее следует описание благотворного воздействия героя: «Он сумел соединить Армию в одном порыве, сумел закрепить все еще недостаточно окрепшее, заставил склониться перед своим авторитетом всех буйных и своевольных», исчезли «разногласия между Властью и Армией», теперь «мысли и дела их спаяны вместе неразрывно». Переходя к описанию гражданской жизни, автор говорит об отсутствии разногласий А.В. Колчака с Советом министров¹². Вся деятельность А.В. Колчака описывается как подчиненная исключительно «интересам целого».

В результате этого указывается, что «непосредственно за поездкой Верховного правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление», что «именно после выступлений» А.В. Колчака в Перми местным политическим партиям (причем «всем») «удалось примирить свои разногласия и соединиться в блок». В конце С.А. Ауслендер приводит слова тоста А.В. Колчака в Перми: «Я под-

нимаю бокал за нашу Родину – единую и нераздельную...». Тем самым программные тексты героя наделяются силой непосредственного действия, чудесным образом преображают действительность, преодолевая «разъединение», творят «единство».

Эта часть брошюры завершается пространным рассуждением, служащим переходом от компендиума текстов к биографическому блоку. Оценка жизни А.В. Колчака дается не как результат, некое суждение, а заранее, не только предваряя, но и окрашивая все дальнейшее повествование. Данный фрагмент вновь возвращает читателя к идее исключительности героя, выводя последнего из-под «юрисдикции» своей эпохи, вновь противопоставляя его времени и людям: «в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе... когда... люди разучились ярко желать и твердо действовать... кажется такой удивительной, несвоевременной эта жизнь».

Все последующие пять частей, за исключением финала седьмой, представляют собой изложение жизненного пути А.В. Колчака, приведшего его на пост Верховного правителя, и вполне могут быть квалифицированы как «описание основных жизненных вех» героя, с акцентом на «главных подвигах».

А.С. Ауслендер так характеризует приводимый им ниже текст «жизнеописания»: «вот краткая схема, сырой материал», и указывает в качестве адресата текста не современника, а «какого-нибудь будущего историка, который будет творить суд всем нашим делам».

Третья часть брошюры описывает начало жизненного пути А.В. Колчака и его самую яркую часть – полярные экспедиции. Описание построено на фактической канве, в целом следуя автобиографии. В числе мотивов, обращающих на себя внимание, – указание на собственную ему с юных лет «внеирархичность»: «умел пользоваться влиянием не только среди товарищей, но и среди старших», а также исключительность подвигов: герой получает «награду весьма редкую, которую кроме него имели всего три путешественника».

Четвертая часть брошюры посвящена русско-японской войне и межвоенному периоду. В соответствующем фрагменте статьи «Адмирал» имеется важный мифологический мотив. «Уважая храбрость, японцы ему одному из немногих оставили в плену оружие». Как хорошо известно, все русские офицеры в японском плену сохранили имевшееся при них холодное оружие. Но признание храбрости врагом особенно ценно, поэтому данный рассказ вошел в «колчаковский миф» и был кем-то передан автору. Однако ко времени подготовки текста

ВПАК С.А. Ауслендеру, вероятно, указали на фантастичность этого эпизода, и он был исключен из текста брошюры.

Пятая часть брошюры охватывает время, непосредственно примыкающее к Мировой войне, и войну вплоть до весны 1916 г., когда А.В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом. С.А. Ауслендер вновь настойчиво подчеркивается «внеиерархичность» своего героя: «в нарушение всех условий» А.В. Колчак производится в вице-адмиралы; «даже самые старые адмиралы» признавали его знания и преданность идее; практика показала, насколько А.В. Колчак «стоит выше опытных и старых моряков».

Шестая часть брошюры, посвященная деятельности А.В. Колчака во главе Черноморского флота, включает в себя легенду о немедленном смотре Черноморского флота. Заканчивается эта часть рассказом о тесном общении в предреволюционные месяцы между А.В. Колчаком и генералом М.В. Алексеевым.

Этот фрагмент, как и почти вся фактическая канва, восходит к тексту автобиографии, но имеет от нее вполне определенные отличия. В автобиографии говорится: «Мне часто приходилось видеться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции». С.А. Ауслендер добавляет к этому утверждению следующее предположение: «И может быть тогда эти два русских патриота в душе своей приготовили свои ответы на тот грозный вопрос, который встал перед всеми гражданами России».

Завершающая, седьмая часть брошюры посвящена событиям революции и начавшейся гражданской войны. Она представляет развернутую картину крушения армии и государства. На фоне этой обстановки открываются новые качества А.В. Колчака: его способность, пусть временно, вызывать «просветление» у революционных матросов, а также «дар глубокого предвидения», позволявший ему видеть, что именно «ожидает армию, флот и всю Россию»; он один может жить без охраны среди города, «опьяненного большевистским дурманом».

Далее описывается ситуация «пророка в своем отечестве»: адмирал оскорблен происходящим на родине, а иностранцы (миссия сенатора Э. Рута) высоко ценят адмирала, приглашают его к себе. Затем следует эпизод с поступлением на британскую службу. Сам этот акт описывается в намеренно архаичной лексике феодальной эпохи – «предложил свою шпагу». Эпизод явно рассматривается не как компрометирующий, а как авторитетное подтверждение уникальных качеств героя. Впрочем, такая оптика унаследована из текста автобиографии и соот-

ветствует собственной точке зрения А.В. Колчака: если бы он сам не захотел сообщить о своей несостоявшейся «английской службе», о ней и не стало бы широко известно.

Данная часть брошюры завершается финалом, общим для всего повествования: А.В. Колчак «поставлен во главе новой национальной власти» не кем-нибудь, а «судьбой», причем поставлен «конечно, не случайно». Вновь, уже третий раз, повторяется, что жизнь героя «несхожа с жизнью наших современников». Она, эта уникальная жизнь, оценивается как подготовка к уникальному подвигу.

Итак, текст брошюры С.А. Ауслендера построен в огромной степени в соответствии с христианским агиографическим каноном, причем агиографические черты не были привнесены в текст механически, а были востребованы из культурного фонда.

Все это повышало суггестивный потенциал текста. И современный исследователь имеет определенные основания для характеристики «опозитизированной биографии белого диктатора» как «отменного пропагандистского материала»¹³.

Текст С.А. Ауслендера продолжает влиять и через десятилетия, подсказывая образность современным авторам «колчакианы». Так, П.Н. Зырянов в заключительных строках своей книги в полном соответствии с ауслендеровским образцом дважды характеризует фигуру А.В. Колчака именно как «античную», и вследствие этого, неподвластную времени¹⁴.

Однако возникают вопросы о том, на какую собственно аудиторию было рассчитано данное литературное произведение, и какое именно воздействие на потенциального читателя производил данный, несомненно талантливый, текст?

Черты образа читателя проступают вполне определенно: это светский человек, носитель глубоко европеизированной культуры, сторонник демократических принципов, образованный горожанин. Соединение светского типа сознания и аффективной, экстремальной ситуации с неизбежностью актуализировало культ «великого человека», вполне ницшеанский по своему внутреннему содержанию. Такой «великий человек» настолько иноприроден по отношению к обществу, которое его окружает, что обретает вследствие этого «естественное» право на власть. Однако освобождая представителей общества от прав, он одновременно освобождает их и от обязанностей по активному политическому действию: сверхисключительный герой обречен на победу и не нуждается в помощи. Такой «пропагандистский материал» оказывал парализующее воздействие на свою целевую аудиторию.

Впрочем, численность образованных горожан на востоке России в 1919 г. была невелика. Какое же впечатление должен был производить данный текст на людей, у которых в детстве не было старинных книг с выцветавшими гравюрами и которых в то время в Сибири было подавляющее большинство?

В мемуарах видного деятеля колчаковского правительства Г.К. Гинса приводится следующий эпизод. Г.К. Гинс вместе с председателем Совета министров П.В. Вологодским в конце лета 1919 г. выехали на отдых на курорт Боровое, что на западе Акмолинской области.

«Слыхали ли вы что-нибудь об адмирале Колчаке? – спросил я одного старика-казака, сын которого служил в Омске и гостил у отца третью неделю, по случаю болезни... – Ничего не слыхали. Он, никак, будет из англичан. – Вот тебе и на. Неужели и сын не знает? – Как не знать, замечает сын, и тут же рассказывает некоторые эпизоды из военной жизни адмирала... И не сумею объяснить, почему, но мне показалось, что старик все-таки не поверил, что адмирал – русский»¹⁵.

Писатель В.В. Иванов в опубликованном в 1921 г. рассказе «Партизаны» также привел крестьянские толки: «Вон царя-то в Омске не русского посадили и икватерем зовут»¹⁶.

Эти же клишированные ассоциации воспроизвел руководивший расстрелом А.В. Колчака большевик С.Г. Чудновский в своих мемуарах, описывая внешность адмирала: «Колчак – высокий, худощавый, типа англичанина [...]»¹⁷.

Подчеркиваемая в брошюре С.А. Ауслендера личная исключительность и приобщенность к европейской культуре главы контрреволюционного режима А.В. Колчака добавляла отчуждения между и без того не слишком укорененной властью и основной частью населения.

¹ См., например: Адмирал Александр Васильевич Колчак. [Пермь, 1919]. 2 с.; *Ауслендер С.* Адмирал Колчак. [Пермь, 1919]. 8 с.; Он же. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, [1919]. 33 с., 1 илл.; *Б. И. Ч.* Адмирал Колчак. Ростов н/Д., 1919. 16 с.; Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Б. м., [1919]. 16 с., 1 илл.; *Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. [Омск], 1919. 37 с., 1 илл.; *Морской Н.* Кто такой Колчак? Ростов н/Д., 1919; *Ольгин И.* Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. [Харьков, 1919.] 31 с., 1 илл.; *Щепкин Г.* Сибирь и Колчак. Новочеркасск, 1919. 36 с., 1 илл.; и др.

² *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996, P. 62; *Звягин С.П., Плотников И.Ф.* Колчак Александр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 22–28; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д., 1998. С. 289.

³ *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 122.

- ⁴ Свидетельство революционных вихрей. (С.А. Ауслендер «Печальные воспоминания (о большевиках)») / Вступ. ст. и подгот. текста И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 51; Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919): Материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37; Девятьярова И.Г. Художники в стане Колчака: Омск в 1918–1919 годах // Антикварное обозрение. 2010. № 1. С. 33.
- ⁵ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. № 340 (ноябрь). С. 116.
- ⁶ Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 15.
- ⁷ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006. С. 584.
- ⁸ Допрос Колчака / Под ред. К.А. Попова. Л.: ГИЗ, 1925. С. 3–33.
- ⁹ См.: Шишкин В.И. Колчак о себе // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1992. № 165. С. 128–146 (повторная публикация: Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 131–142).
- ¹⁰ Задачи верховной власти: Беседа представителей печати с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком // Правительственный вестник (Омск) 1918. 30 ноября; Прием представителей печати Верховным правителем // Сибирская речь (Омск). 1918. 30 ноября.
- ¹¹ Правительственный вестник. 1918. 27 ноября.
- ¹² Весьма странно, но последний вопреки реальности отождествлялся А.С. Ауслендером с Временным Сибирским правительством, пришедшим к власти в конце июня – начале июля 1918 г.: «некоторые частичные перемены [*состава этого правительства.* – В.Ж.] не имели принципиального политического характера».
- ¹³ Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска». С. 24.
- ¹⁴ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. С. 586.
- ¹⁵ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 246.
- ¹⁶ Иванов В. Партизаны: Рассказ // Красная новь. 1921. № 1. С. 5.
- ¹⁷ Чудновский С.Г. Конец Колчака // Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961. С. 209.